

MONGOLICA-XII

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 130-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова (1884–1931)

Л. Г. Скородумова

Мир образов в романах В. Инжинаша

Ванчинбалын Инжинаш стоял у истоков одновременно трех типов романов: исторического, бытового и авантюрного (роман с элементами сатиры и фантастики). Он оставил богатейшее наследие не только как зачинатель нового, прозаического направления в литературе, но и как продолжатель поэтической традиции. Яркость образов, метафоричность прозы В. Инжинаша связана с развитой поэтической традицией в монгольской литературе. В поэтике В. Инжинаша также заметно влияние китайской классической литературы. Блестящее использование широкого спектра традиционных художественных средств, эпических приемов повествования позволяет считать творчество В. Инжинаша неотъемлемой частью единого литературного процесса Монголии.

Ключевые слова: художественные средства, национальная традиция, яркость образов, зачинатель прозаического направления.

Творчество Ванчинбалын Инжинаша (1837—1892) составляет целую эпоху в литературном процессе Монголии. Писатель стоял у истоков одновременно трех типов романов: исторического, бытового и авантюрного (роман с элементами сатиры и фантастики). Он оставил богатейшее наследие не только как зачинатель нового, прозаического направления в литературе, но и как продолжатель поэтической традиции.

За небольшим исключением, все стихи Инжинаша вошли в его романы. Это вполне естественно, поскольку слияние прозы с поэзией — одна из важнейших особенностей первых монгольских бытовых романов, сохранивших многие черты средневековой исторической прозы и устного сказа.

Во втором стихотворном предисловии к роману «Одноэтажный павильон» «Дополненные позже вольные стихи» (*Хожим нэмэх сул шулэлэл*) все сущее видится смутно, призрачно, но перед нами встает образ писателя, охваченного муками творчества:

Задеты инеем виски, но для чего страдать?
Подрежу бережно фитиль и в старую тетрадь,
Миг улучив, пишу стихи. Пою по вечерам...
Пригубишь — сладко, а глотнешь — одна лишь
горечь там.
Вечерний дождь стучит в окно, худа бумага в нем.
Рассветный холод. Но согрет я чувством, как огнем.
Вдруг ветер западный подул, заплакали цветы.
Упали льдинки круглых слез, прозрачны и чисты.
Нарядных девушек гурьба с корзинками в руках —
Идут, чтоб красные бобы¹ посеять на полях.

¹ «Красные бобы, помогающие вспоминать друг о друге» — китайское название растения. Часто упоминается в поэзии Ван Вэя как символ женских слез [Цы хай, 1947. С. 945].

Весенняя разлита грусть среди лесов и вод.
Туманной дымки тайный гость бобы с земли возьмет.
И тени смутные во сне мелькнули так легко...
Стою у темного окна, вздыхаю глубоко.
О прошлом знаешь ли, нефрит, отпущенном судьбой?
Весною и в осенний дождь — с тобою я, с тобой².

[Nigen dabqur asar, 1958. С. 323]

Если холодно и одиноко, за окном льет дождь, поэт углубляется в старые книги, и тотчас его воображение рисует другой мир: он видит прекрасные цветы — это женщины, центральные образы его романов «Одноэтажный павильон» и «Палата красных слез». Инжинаш, пожалуй, больше, чем другие авторы XIX в., использовал прием иносказания. Аллегория в романе «Палата красных слез» приняла форму сказочно-фантастическую, близкую к европейскому плутовскому роману. Новаторство Инжинаша проявилось и в том, что он обратился к женским образам, подобно Равже, однако, показывая жизнь своих героинь в условиях современного ему китайского общества, он высмеивает конфуцианскую мораль.

Слезы и их красный цвет — неперенные символы страдающих красавиц («нефрит» в данном случае также относится к красавицам). Не случайно в предисловии к роману, посвященному судьбам женщин, звучит эта тема. Образ «красные слезы» в романах Инжинаша, возможно, объясняет следующая легенда. Согласно одному из китайских преданий, в III в. н. э. в округе Чаншань жила красавица Сюэ Линъюнь. Правитель округа, отправившийся в столицу, захотел подарить Сюэ в наложницы императору. Прощаясь с родителями, девушка горько плакала. По дороге, чтобы не промочить насквозь одежду, при-

² Здесь и далее стихи в переводе Людмилы Букиной.

шлось собирать слезы в вазу из красного нефрита. Когда Сюэ приехала в столицу, ее загустевшие в вазе слезы были похожи на кровь. Это предание изложено в книге ученого-отшельника Ван Цзя (IV—V вв.) «Записки об утерянных деяниях» («Ши и цзи») [Цы хай, 1947. С. 1030]. Впоследствии образ «красные слезы» стал означать женские слезы, его использовали многие поэты.

В первой главе «Палаты красных слез» содержатся два четверостишия, где в скрытой, аллегорической форме отражена судьба двух главных героинь романа — Циньмо и Лумэй. Вот первое четверостишие:

Стойкие сосны суровы к [женщине] недалновидной.
Волны нефрит окатили — стал перламутром
подводным.
Стоило раз ошибиться мячику судеб священных —
Стали напрасны усилья железа и камня труды.
[Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 4]

Сосна, упомянутая в первой строке, является, согласно дальневосточной поэтической традиции, символом мужества и стойкости. Эпитет «недалновидная», вероятнее всего, относится к Циньмо, которую писатель наделил стойким, мужественным характером. Следующая строка отсылает читателя к тому эпизоду романа, где Циньмо, не желая выходить замуж за старого и уродливого жениха, бросается в бушующие волны реки. Ее спасли, но случайно — в это же время упала в реку другая девушка, Луньюй, а спасли Циньмо. Так произошло «превращение нефрита в перламутр». Третья строка связана с эпизодом романа, основанным на старинном обряде бросания вышитого мячика с вышки с целью выбора жениха [Меньшиков, 1982. С. 159].

Природа постоянно присутствует в стихах как одно из необходимых слагаемых поэзии Инжинаша. Ветер и дождь, облака и горы, а точнее, «горы и воды» — вот та реальность, без которой не могут существовать поэт и его поэзия. Природа и человек неразделимы в дальневосточной литературной традиции, в русле которой находится все творчество Инжинаша. «Заметки в стихах, сделанные однажды во время дождя» могут служить образцом пейзажной лирики Инжинаша:

Загрелась гроза, дождь упал, словно полог, вниз.
Просветленное солнце явило на миг свой лик.
На лиану небес яркий радужный мост похож.
Тучи гаснут, окутав туманом вершины гор.
Птицы дружно щебечут в зеленой прохладе рощ.
Дева, нефриту подобная, с башни на закат глядит.
Коль о мире подумаешь брэнном,
бесчисленности вещей —
Все меняется так же, как дымки закатный цвет.

В поэзии Инжинаша отдается предпочтение двум временам года — весне и осени, аллегорически выражающим противоположные начала: радость и печаль, добро и зло, свет и мрак, а потому весна и осень чаще всего соответствуют разным настроени-

ям героев. Течение повествования романов соотносится со сменой времен года. Если «Одноэтажный павильон» начинается с описания весеннего праздника Нового года, то с героями «Палаты красных слез» читатель прощается глубокой осенью. Осень — это всегда холодный западный ветер, утренний дождь, засохшие листья, а постоянные образы весны — пробуждающаяся природа, вдохновленный поэт, его настроение. Например:

Когда весна приходит — то и дело нас
посещают призрачные сны.
Я предаюсь мечтаньям всецело,
нахлынувшим из темной глубины.
Но не с кем встретиться в тени зеленых вязов...
Напрасно ивы шепчутся, маня...
Лишь соловей поет, теряя разум.
Прислушаюсь — поет он для меня.

Символика осени прямо противоположна весне. Это разлука, грусть, увядание, холод, дождь. Осень, кроме того, соответствует западу, опадающим листьям. Вестник осени — перелетные птицы, с которыми отождествляются герои Инжинаша. Типичный цветок осени — хризантема. Эпитет для глаз красавицы — осенние воды — это спокойные и глубокие, темные, как вода осенью в пруду. Этот образ встречается и в современной монгольской поэзии.

Образ солнца у Инжинаша имеет комплексную символику, обусловленную цветом, формой и функцией солнца. Отсюда солнце: подобно огненному котлу (*гал тогоон мэт*), словно красный хурд (*улаан хурд мэт*), золотой петух (*алтан тахиа*). Луна, как и солнце, становится у писателя воплощением блеска. Луна в романах Инжинаша является постоянным поводом для вдохновения. Молодые поэты бессонными ночами любуются луной и сочиняют стихи о ней. Целый стихотворный цикл помещен в конце романа «Палата красных слез» под названием «Расшевеливаю луну». Цикл основан на уподоблении луны горящему светильнику и драгоценному зайцу:

Кто это взял длинную кочергу
И разворошил половину золотого зайца?
Пролился на ладонь прозрачный свет
И заполнилась пиала.
[Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 360]

В стихах Инжинаша в качестве метафоры лунного света постоянно присутствуют нефрит, хрусталь, жемчуг (жемчужная роса). Широко используется сравнение со льдом. Перечисленные эпитеты характерны для всей монгольской литературы, в том числе и для фольклора. Примером может служить загадка: «Серебряная писала на льду» (*Мөсөн дээр мөнгөн аяга*). Часто Инжинаш использует фольклорное сравнение глаз со звездами, как в пословице: «Глаза ярче звезд, волосы нежнее шелка» (*Одноос хурц нүдтэй, торгоноос зөөлөн үстэй*). Из деревьев наиболее часто встречаются бамбук, ива, сосна, дикая слива мэйхуа. Ива, как правило, цветущая и зе-

леная, символизирует весну, пробуждение природы, радостное, приподнятое настроение. Полумрак ивово-роши — место свидания влюбленных. С другой стороны, плакучая ива — символ разлуки влюбленных. Именно иве предназначен культ мирового древа в монгольском фольклоре. Сосна — вечнозеленое могучее дерево, ассоциируется со стойким сильным характером, мужеством. Вместе с тем это яркий зрительный образ — темная зелень сосны на фоне белого снега — сочное цветочное пятно. Сосна, бамбук и слива вместе холодной зимой означают преданность и дружбу. Например: «Верная дружба подобна зеленоющим вечно вместе сосне и бамбуку, неразлучным инею и льду» [Nigen dabqur asar, 1957. С. 255].

Сравнение с сосной встречается и в эпосе «Гэсэр». Вот портретная характеристика Рогмо-гоа: «Рогмо-гоа подобна сосне, одетой дорогим штофом, а когда сидит, подобна княжеской белой юрте на пятьсот человек, на правом плече — золотой комар, над левым плечом — серебряный комар, повернется направо — к солнцу, будто бы тает, налево — под сень луны, будто бы стынет. И кажется, будто в ночном сиянии ее красоты можно стеречь табун» [Гэсэриада, 1936. С. 141].

Поэтический образ природы немислим без птиц. Самые любимые и наиболее частые представители пернатых в монгольской литературе — ласточка, кукушка, соловей, мифическая птица Гаруди. Ласточка — древнейший образ в монгольской литературе и фольклоре. У Инжинаша ласточка отождествляется с юной красавицей, тоскующей в разлуке с любимым. Кукушка — традиционный образ индийской поэзии, и монгольские поэты заимствовали его, вероятно, оттуда, так как для китайской культуры образ кукушки — сладкоголосой провозвестницы весны — не характерен. Иногда Инжинаш ласточку и кукушку объединяет в один образ: «Нежные голоса ласточек и кукушек» (*Хараацай хөхөөгийн уран хоолой*) — метафору весны.

Мифическая птица Гаруди — образ высокого стиля. Глазам Гаруди уподобляются, как правило, взоры высокопоставленных чиновников. Распространенный образ во всей монгольской литературе — гуси, перелетные птицы — весной они возвращаются на север, в родные края.

Первостепенное место в романах принадлежит символике красного цвета, о чем уже упоминалось. Это символ женских судеб, центральных в романе. Символика красного цвета универсальна, у многих народов мира она генетически восходит к культу огня и солнца.

Широко используется и символика белого цвета. Представление о белизне как символе чистоты и совершенства у кочевых народов генетически связано с молоком. Инжинаш часто употребляет выражение Белые мысли (душа) (*цагаан сэтгэл*). В «Одноэтажном павильоне» есть эпизод, описывающий свадебный обряд подношения девяти белых даров.

Разнообразна семантика эпитета «нефритовый», но чаще всего он употребляется как синоним белого

цвета: нефритовый цветок уступает белизне снега (*Хасын цэцэг цаснаас гурван хувийн цагаан дутуу*). В символике луны, лунного света выделены белизна, прозрачность, чистота. В качестве символа белизны и чистоты, в свою очередь, выступают драгоценные и полудрагоценные камни: хрусталь, жемчуг, перламутр, серебро, а также лед и снег. При лунном свете и роса, и тень, и воздух приобретают оттенок жемчуга, нефрита или льда.

Известно, как популярны в литературах стран Дальнего Востока белые цветы сливы мэйхуа или коричневого дерева среди поэтических образов. Белый цвет как признак чистоты является фоном, на котором отчетливо выделяются и другие предметы — зелень сосны на белом снегу, нефритовая тень в лунную ночь. Белый цвет — символ чистоты, нравственного совершенства, непорочности — отсюда образ — девичьи слезы чисты как лед. Белое в сочетании с золотом считается у Инжинаша символом высшего совершенства, идеалом красоты. Например: белый цветок орхидеи в сочетании с золотом (*сүмэн өвс алт*) служит символом редкой красоты. По линии белизны и чистоты возникает и другое сочетание жемчуга и нефрита: «белый перламутр и жемчуг», «перламутр и нефрит», «лед и нефрит».

Таким образом, все изобразительные средства романов Инжинаша можно объединить в три основные группы. Первую группу составляют эпитеты и сравнения, связанные по своему происхождению с буддизмом. Это мифическая мировая гора Сумэру, Хоншим бодисатва, мифическая птица Гаруди, кукушка, сопоставленная с лотосом и луной. Романы Инжинаша проникнуты буддийской идеей иллюзорности происходящего, отсюда частое сравнение действий героев со сном. В романах часто упоминается буддийская добродетель как результат деяний прошлых перерождений. Метафорой луны, лунного света служит Небесная дева, богиня (*Охин тэнгри, хубилган рагини*). Инжинаш приводит буддийскую легенду о двух отшельниках, которые были неразлучны в трех перерождениях.

К другой группе относятся эпитеты, связанные с монгольским фольклором — эпосом и малыми формами. Третью группу составляют сравнения, пришедшие в монгольскую литературу из китайской мифологии, древней китайской поэзии. Инжинаш описывает, например, праздник в честь Волопаса и Ткачихи, героиня романа в этот день сочиняют стихи о луне. Объектом сравнения служит нефритовый заяц, связанный с китайской легендой. Поэтизация нефрита, жемчуга, перламутра, часто встречающихся на страницах романов, очевидно, тоже имеет китайское происхождение.

Инжинаш использует все богатство и многообразие стилистических художественных средств монгольского языка. Яркость образов, метафоричность прозы Инжинаша, с одной стороны, связана с влиянием сильно развитой поэтической традиции в монгольской литературе. Инжинаш прекрасно знал и широко использовал монгольский фольклор. Любо-

пытно, что пословицы Инжинаш видоизменял, придавал им литературную форму. Например: «Если вода слишком прозрачна, большая рыба не водится, если власть слишком строга, подданные не ладят между собой» (*Ус хэтэрхий тунгалаг болвоос их загас тогтохгүй, засаг асар хянамгай болвоос доордос найралдан чадахгүй*) [Улагуна ukilaqu tingkim, 1958. С. 43]; монгольская пословица выглядит несколько иначе: «В воде, где есть водоросли, рыба собирается, к хорошему человеку люди тянутся» (*Замаг сайтай усанд загас болгон цуглана. Зан сайтай хунд хун болгон цуглана*) [Монгол ардын зүйр үг, 1959. С. 15]. Таких примеров можно привести много. Монгольская пословица «Друзья лучше старые, а одежда новая» (*Хүний хуучин нь дээлийн шинэ нь*) у Инжинаша перефразирована: «Одежда хорошая новая, а родственники — старые» (*Дээл хувцасны шинэ нь ураг садны хуучин нь сайн*) [Nigen dabqur asar, 1957. С. 288]. Пословица вставлена в эпизод, рассказывающий о сватовстве героинь, поэтому слова «друзья старые» (*хуний хуучин нь*) Инжинаш заменяет словами «родственники старые» (*ураг садны хуучин нь*). Современную пословицу «Даже плохой мужчина кормит семью» (*Эр муу боловч гэр бүлээ тэжээдэг*) Инжинаш переписывает: «Хороший мужчина прокормит десять семей» (*Сайн эр арван гэрийг тэжээмүй*) [Улагуна ukilaqu tingkim, 1958. С. 306]. Герой романа Пуою собирает жениться на трех невестах сразу, поэтому Инжинаш и изменил пословицу.

Кроме пословиц в романах встречается и множество слов и выражений, создающих национальный колорит произведения. При описании пейзажа Инжинаш неизменно пользуется словосочетанием «горы и воды» (*уул ус*) или «земля и воды» (*газар ус*). Интересно, что при описании быта своих героев Инжинаш все же пользуется монгольскими названиями. Дом у него, как правило, юрта (*гэр*), иногда писатель даже перечисляет названия деталей юрты: *унь, туурга ...* Герои романов носят дэли, шапку с шариком *жинстэй малгай*³.

У Инжинаша встречается выражение *айл байшин*, весьма нехарактерное для монгольского языка. Такие постройки появлялись там, где монголы вели оседлый образ жизни, и скорее всего это происходило в южных районах, в непосредственной близости к Китаю. Правда, и ламы в монастырях, как отмечали русские путешественники конца XIX в., жили в отдельных дворах, огороженных высокими заборами. В этих дворах помимо традиционной монгольской юрты, в которой хозяева проводили большую часть года, имелись и небольшие деревянные домики китайского типа *байшин* [Грайворонский, 1980. С. 60]. Очевидно, именно такое жилище Инжинаш и называет *айл байшин*.

С переходом южных монголов к оседлости и ростом городских поселений с их деревянными по-

стройками и заборами возникает выражение «Дом хороших ворот» (*сайн үүдний гэр*), т. е. богатый дом, а выражение «Мои ворота несчастливые» (*минь үүд хаалга хишиггүй улирал муу*) означает, что хозяйина дома постигла неудача, если о герое говорится «человек из нашего аймака с пустыми воротами» (*манай аймгийн хоосон хаалгын хүн*), это означает, что он бедный [Улагуна ukilaqu tinghim, 1958. С. 239].

Образное выражение Инжинаш употребляет для возрастной характеристики — «С каждой весной и осенью становится старше» (*хавар намар өндөр болов*), говорит он о пожилом человеке.

Писатель очень часто, называя тот или иной предмет или явление, употребляет и китайское и монгольское названия одновременно: *ший хурим, дэн зул, шан уул, хөдөө дянь, ханзны хоймор*. Такое смешение реалий характерно именно для двуязычной среды, в которой жил писатель.

В прямой речи Инжинаш редко прибегает к употреблению местоимений первого и второго лица. Герои обращаются друг к другу со словами: «братец», «сестрица», «барышня» и т. д. Местоимения *чи, тэр* чаще встречаются в речи слуг. Речь персонажей все же имеет свои индивидуальные черты. Почтенная княгиня, бабушка Пуою и глава рода, говорит неторопливо, в каждом ее слове слышится назидание окружающим. Те, в свою очередь, обращаются к ней только с глубоким почтением, называя ее «бурхан».

Сохраняя традиционные трафареты и формулы, пришедшие в роман из устной традиции и летописания, Инжинаш вносит значительное разнообразие в канонизированную стилистику средневековой литературы. Вот какими словами вводит он стихи в повествование: «Вот так стихами написал...» (*ийн шүлэглэн бичирун...*), «само собой написались восемь строк с пятью словами в строке» (*таван уг найман бадгийн нэгэн анги шүлгийг найруулж гарын аяар бичиж гаргасан нь*). Стихи, которые автор вводит в повествование, обозначены разными терминами в зависимости от выполняемой ими функции в сюжете. Например, написанные в жанре китайской классической поэзии стихи он называет «восьмистрочный пятисловник» (*таван үгийн найман бадаг*): «Сравниваю [тебя] с лотосом» (*Удвал цэцгийг өөртэй адил хэмээн сэдэв болгож бичсэн нь*) [Nigen dabqur asar, 1957. С. 505]. Словом *бадаг*, по-видимому, обозначены китайские стихи. Слово *шүлэг* у писателя не несет жанрового обозначения — это общее название стихотворной речи вообще. Упомянув древних поэтов, цитируя их или подражая мудрецам прошлого, Инжинаш обязательно пишет: «Несколько стихотворных строк в похвалу древних мудрецов» (*Эртний мэргэдийн магтсан хэдэн шүлгийн үг*) [Улагуна ukilaqu tingkim, 1958. С. 194]. Или: «Написал стихи древних о цветке сливы в снегу» (*Эртний хүний цас дахь мэй цэцгийг шүлэглэсэн*) [Nigen dabqur asar, 1957. С. 338].

Художественное повествование исторического романа В. Инжинаша «Синяя сутра» включает в себя весь широкий спектр изобразительных средств и

³ Ж и н с — шарик, который прикреплялся к головному убору в качестве атрибута одежды чиновника в Маньчжурской династии Цинн.

устного народного творчества и значительно отличается от сухого повествования средневековых летописей. В Предисловии «Краткое зеркало» («Товчит тольт») Инжинаш писал, что в работе над романом он пытался использовать подлинную хронику исторических событий, а в тех местах, которые казались ему непонятными или сомнительными, он обращался к старым людям за разъяснением.

До некоторой степени в «Синей сутре» наследуется традиционный «мифологизм» и «фольклоризм» сюжетов и образов. Использование фольклорно-мифологических мотивов, связанных с различными повествовательными традициями, прослеживается в произведении с самого начала. Зачатие от солнечного луча — древнейший сюжет центральноазиатских генеалогических легенд, который в монгольских летописях, начиная с «Сокровенного сказания», обычно приурочивается к рождению Бодончара, предка Чингиса, фигурирует здесь применительно к появлению на свет самого Чингиса. Эпизод получает специфическую разработку и орнаментацию мифологическими деталями: луч золотой звезды, отражающийся от очага (т. е. устанавливается симметрия небесного света и земного огня).

Широко используются в романе эпитеты, сравнения, метафоры. Особенно часто в «Синей сутре» встречаются такие сравнения: «идет следом, как пчела», «бросились вперед, как птицы», «гнев был так силен, что разрывалась печень», «гнев был подобен грому», «словно рушились горы», «выходили из берегов реки», «быстрый как стрела», «кругла лицом, словно полная луна», «чиста, словно утренняя заря», «голос подобен звону бамбука». Автор пользуется традиционными эпитетами при характеристике образов героев. Например, описывая сына хана керейтов Илагу, он сравнивает его глаза с глазами бурундука, голову — с головой суслика, походку — с лисой, взгляд — с волком. А вот портрет ханши Бортэгэлжин: «У нее глаза священной птицы Гаруди, брови словно ясное небо, прекрасный нос словно вырезан из нефрита, пухлые губы нежнее коралла, в глазах — огонь, на ланитах румянец, тонкий стан, посмотришь на нее — настоящая небесная богиня».

Интересны два эпизода романа, где влюбленные Солонго и Алтаншагай обмениваются подарками, закодированными сложной символикой, это поэтический ряд атрибутов брачного ритуала: лук и тетива, красный цвет связующей нити, традиционный для свадьбы, игра слов. Трепетно и с любовью рассказывает Инжинаш о чистых целомудренных отношениях Солонго и Алтаншагай, их нежности, преданности друг другу, чувстве долга.

Вот как Алтаншагай расширяет символику полученного от Солонго послания: «Нет, здесь смысл гораздо глубже, Солонго дальновидна и прозорлива. Разгадать ее замысел не под силу простому арату. Я ей выслал раньше золотой наперсток с привязанной к нему пятицветной нитью, так что идея послания заключена в четырех словах: золотой наперсток связан с Солонго. И сейчас в ответ на мой подарок она

тоже прислала глубокомысленное очень мудрое послание. Его можно изложить в четырех словах. Сделанная из пятицветных волокон тетива для лука означает раду́гу⁴. Ведь это же ее имя! А то, что на ней нанизаны сто восемь круглых халцедоновых четок, означает „халцедон“ или „наш, наши“. Слово четки (*эpx*) имеет еще значение — „права“. Четки, нанизанные на тетиву лука, означают, что двое не подходят друг другу, или „у нас нет прав“. Вот и получились четыре слова: „у моей Солонго нет прав“. Тетива лука имеет и другую символику. Это связь лука, тетивы и стрелы. Солонго верит в силу лука, потому что без лука тетива превратится в бесполезную веревку. Какая в ней сила! Ведь она предназначена для того, чтобы удерживать стрелу. Но без стрелы сама по себе тетива тоже ни к чему. Она зависит от лука. Таким образом, дуга лука символизирует силу, мужское начало (*арга*), а тетива — мягкость, нежность, женское начало (*билиг*). Если соединить дугу и тетиву, то и получится лук, единое целое. Тетива без лука — это женщина без мужчины или незамужняя женщина. Это Солонго! Она хочет сказать: „У меня, незамужней Солонго, нет никаких прав“. И далее: «Если соединить тетиву и лук, то стрелу можно послать в любое место. Только женщина не вольна поступать по своему усмотрению». Кроме того, продолжает Алтаншагай, подарок был завернут в пеструю ткань, а четки и тетива — в ярко-красный шелк. Это значит, что Солонго шлет подарок от чистого сердца, что она любит меня и согласна выйти замуж, но прав у нее нет. Она верит мне [Köke sudur, 1957. С. 442].

По сравнению с бытовыми романами «Одноэтажный павильон» и «Палата красных слез» роман Инжинаша «Синяя сутра» композиционным построением ближе к исторической хронике, об этом свидетельствует хронологическая последовательность глав, отсутствие описаний природы, сравнительно небольшое количество стихотворных вставок, лапидарный стиль повествования. Выдержанное в рамках канона средневековых летописей резюме к каждой главе написано простым разговорным языком.

В «Синей сутре» Инжинаш проявляет себя как талантливый продолжатель национальной традиции. Богатый опыт многовекового наследия монгольской литературы и глубокое знание китайской классической прозы позволили ему выработать свои собственные принципы художественного повествования, которые блестяще и более полно проявились в бытовых романах «Одноэтажный павильон» и «Палата красных слез». Этим Инжинаш противостоял канонизированной буддийской литературе, заполняя вакуум бытования литературных жанров, компенсируя дефицит произведений художественной прозы.

Творческое наследие Инжинаша имеет принципиальное значение для изучения истории монгольской литературы и культуры. Он поднял уровень отечественной культуры на небывалую высоту. Бле-

⁴ Радуга — по-монгольски: *солонго*.

стящее использование им поэтики национальной об-разности, эпических приемов повествования позво-

ляют считать творчество Инжинаша неотъемлемой частью единого литературного процесса Монголии.

Приложение

Словарь метафор и сравнений в романах В. Инжинаша «Одноэтажный павильон» и «Палата красных слез»

1. Аркан любви (*хайрт цалам*) — Пуую цитирует «Дополнительные комментарии к книге вод»: «Цзя Пэйлань вместе с сёстрами в седьмой день седьмой луны собирается у озера ста сыновей и обвязывается шёлковыми пятицветными нитями. Любой может быть связан этой нитью, что означает любовную связь, т. е. человек попал в аркан любви. Пятицветная нить олицетворяет пять первоэлементов и таит в себе пять постоянств» [Nigen dabqur asar, 1957. С. 200]. Слово «цалам» встречается в исторической хронике Лувсан Данзана «Алтан товч» — в комментарии к хронике говорится, что это слово означает пятицветный флажок, атрибут шаманов. В тексте же хроники есть такая строка: «Все мы, чтобы иметь сына, втихомолку делаем джалма...» [Лубсан Данзан, 1973. С. 146].

2. Бабочка (*эрвээхэй*) — *өвс эрвээхэй* — бабочка и травинка (цветок мотылёк) — символ влюблённых. Образ Пуоя в романах Инжинаша ассоциируется с мотыльком.

3. Бамбук (*хулс*) — *нүдний нулимсыг хулсны үзүүрт цувруулав* — слёзы нанизали на ветки бамбука. Здесь намек на пёстрый Хунаньский бамбук, с ним связана известная легенда о красавице, которая так много и долго плакала, что бамбук, росший возле её дома, стал пёстрым от слёз, а красавицу прозвали Сян Фэй.

— *хөлдөж хатсан хулсанд галуу бууруун* — на замёрзший и засохший бамбук опустился гусь — символ одиночества, разлуки влюблённых.

4. Белый (*цагаан*) — *цагаан сэтгэл* — белая душа — признак нравственной чистоты. Это сравнение распространено и в современном монгольском языке.

— *саран нэн цагаан* — лунный свет ещё больше побелел — во время игры на цитре

— *цагаан нүдээр үзэх* — смотреть белыми глазами, т. е. ненавидеть

— *хас цэцэг цаснаас гурван хувийн цагаан дутуу* — нефритовый цветок по своей белизне в три раза уступает снегу

— *есөн цагаан бэлэг* — девять белых даров — преподносятся во время свадьбы согласно народному монгольскому обычаю [Nigen dabqur asar, 1957. С. 203]

— *цагаан үр* — белые зёрна — имеются в виду белые добродетели — буддийская формула, означающая деяния человека в прошлых перерождениях.

5. Богиня (*хувилгаан рагини*) — *хувилгаан рагини шидисийн онгоцоор хэсэн наадарун* — небесная богиня странствует в волшебном корабле — образ луны [Nigen dabqur asar, 1957. С. 227]

— *хувилган шидитэн мэт* — словно святая богиня — ваза с хризантемой [Nigen dabqur asar, 1957. С. 227].

6. Бумага (*цаас*) — *цаас шиг шар царай* — жёлтое, как бумага, лицо [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 137] — признак физической слабости. В Китае обычно на особой жёлтой бумаге кинематографы писали заклинания [Ли Жучжэнь, 1959. С. 147]. Во второй половине XIX в. в Пекине печатались монгольские книги уже и на шероховатой бумаге зеленовато-жёлтого цвета и низкого качества [Кара, 1972. С. 122].

7. Ветер (*салхи*) — *салхины эсрэг сараар угтах* — на порыв ветра ответить лунным светом означает «любовь» [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 160]

— *өмнөд салхи* — южный ветер — развеивает грусть

— *дорно салхи* — восточный ветер — весна

— *умард салхи* — северный ветер — слёзы, одиночество

— *өрнө салхи* — западный ветер — вызывает слёзы у цветов

— *хас мэт хаврын салхи* — весенний ветер, подобный нефриту — символ радости

— *уран салхи, хаврын салхи* — нежный весенний ветер

— *сайхан салхи* — чудесный ветер — весна

— *хонгор салхи* — нежный ветер — весна

— *алтан салхи* — золотой ветер — нежность, любовь юноши, а также летний день

— *лянхуагийн салхи* — ветер лотоса в саду — весна, пробуждение природы

— *салхи үүлийг угтах* — ветер встретился с облаком — влюблённые нашли друг друга

— *салхи хур хоёр* — ветер и дождь — дружба и любовь

— *үдэшийн хур өглөөний жихүүн* — вечерний дождь, холодный утренний ветер — слёзы, тоска, одиночество [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 267]

— *хаврын хур намрын салхинд чиний хамт нөхөрлөмүй* — и в весенний дождь, и в осенний ветер — всегда вместе с тобой [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958, С. 33]

— *салхин бороон уярамой* — грусть ветра и дождя — праздник середины осени

— *хүйтэн бороо хүчтэй салхи* — холодный дождь и сильный ветер — тоска, отчаянье

— *алтан салхи халууныг арилган хасын сүүдэр сэрүүнийг ирүүлнэ* — золотой ветер прогоняет жару, нефритовая тень приносит прохладу — день и вечер [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 37]

— *нэгэн нь өглөөний салхинд санаа алдахгүй болвоос нэг нь үдэшийн саранд гэмшин хоёр эдгээдийн*

энэгшин мөрөөдөх нь үнэхээр уяралтай ажээ — если один не вздыхает на утреннем ветру, то другой изнывает в тоске при луне вечером [Nigen dabqur asar, 1957. С. 206]

— *умар шагаар жавар ирж бэхсийг түлхэв* — сквозь шёлк, натянутый в окне, ворвался северный ветер и подтолкнул кисть к моей руке — значит, пришло вдохновение [Nigen dabqur asar, 1957. С. 169].

8. Веер (*гүвүүр*) — *хатгамал гүвүүр* — вышитый веер — символ юных красавиц

9. Вишни (*интоор*) — *интоорын уруул* — губы вишни — губы красавиц

10. Вода (*ус*) — *намрын ус* — осенние воды — глаза красавицы

— *бургансы ширхэг усанд урсах адил* — словно ивовый пух течёт по воде — лунный свет

— *уул усны тунгалаг* — прозрачен (воздух) между горами и водами [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 336]

— *уул усны мянган давхар элэг уушигийг тоочиход бэрх* — трудно перечислить все тысячи и тысячи страданий в этом мире.

11. Ворота (*үүд хаалга*) — признак имущественного положения и положения в обществе: *хоосон хаалгын хүн* — человек с пустыми воротами [Ulayana ukilaqu tinghim, 1958. С. 2] — бедный человек — *Луутай хаалганд хүрэх* — достичь ворот с драконами — добиться повышения по службе [Ulayana ukilaqu tinghim, 1958. С. 9]

12. Верблюды (*тэмээ*) — *тэмээн чинээ болох шахаад* — вырос почти что с верблюда [Nigen dabqur asar, 1957. С. 286]

— *тэмээний хум хэдий элэвч илжигний тохом гарахгүй юу* — хоть и изнасилась попона верблюда, да из неё выйдет попона для осла

13. Вяз (*хайлаас*) — *хайлаасны гун удын харанхуйд уурах хүн үгэй* — не с кем встретиться в глубине вязов, тёмной ивовой роще. Вяз и ива всегда сопровождают героев в пути — *уд хайлаас хаварт уурах* — ива и вяз грустят весной [Nigen dabqur asar, 1957. С. 412].

14. Гаруди — мифическая птица. *Гарудийн нүдтэй* — глаза Гаруди

— *Гарудийн малгай, луутай хувцас* — шапка Гаруди и одежда с драконами — наряд невесты [Nigen dabqur asar, 1957. С. 267]

15. Горы (*уул*) — *уул ус* — горы и воды — см.: вода

— *хаврын уул* — весенние горы — брови красавицы

— *хаврын хол уул* — весенние дальние горы — брови красавицы

— *уул хайрхан мэт* — подобно священным горам — благопожелание крепкого здоровья [Nigen dabqur asar, 1957. С. 209]

16. Гуаньинь — Гуаньинь — то же, что и Хоншим бодисатва (Авалокитешвара) — Владыка взирающий, бодхисатва, воплощение бесконечного сострадания всех будд.

17. Гуси (*галуу*) — перелётные птицы, символ разлучённых влюблённых

— *нэхэх үүл нисэх галуу* — плывущие облака, летящие гуси — влюблённые стремятся друг к другу [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 397]

— *холдон хатсан хулсанд галуу бууруун* — см.: бамбук

18. Девушка (*охин*)

— *шулуун охин* — стройная девушка — луна

— *хээнцэр хүн* — изящный человек — красавица

19. Десять процентов частей (*арван хувь*) — *арван хувь дээр* — все, полностью, на десять процентов [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 52]

20. Дождь (*хур, бороо*) — *борон орох адил* — словно дождь полил — слёзы красавицы

— *хур сөхсөн* — нити дождя словно повисли в воздухе

— *хүйтэн бороо* — холодный дождь — осень

— *үдэшийн хур* — вечерний дождь — одиночество

— *хаврын хур* — весенний дождь — тепло

— *хур салхи* — дождь и ветер — см.: ветер

— *их бороо пансаар цутгах мэт* — дождь льёт как из ведра [Nigen dabqur asar, 1957. С. 190]

— *зоосын чинээ бороны ус дулав* — капли дождя величиной с монету падали на землю

21. Душа (*сэтгэл*) — душевное состояние у Инжинаша определяется выражением *элэг уушиг тоочих* — перечислять печень и лёгкие. Например: *эгшигт болжмор нэн харин элэг уушигийг хатгамой* — нежногласная птаха мучает душу [Nigen dabqur asar, 1957. С. 451]

— *гэдэс тасрах хүн* — человек, у которого вырывают внутренности, — страдающий человек [Nigen dabqur asar, 1957. С. 605]

— *сэтгэлийг мэдэгчид* — близкие по духу люди

— *сэтгэл гэгээн наран адил* — душа, как яркое солнце.

22. Ду Мучжи — поэт (803—852) — славился красотой. Символизирует красавца мужчину, наделённого поэтическим даром

23. Железо и камень (*төмөр чулуу*) — символ нерушимой дружбы

24. Жемчуг (*сүвд*) — *хэлхээ тасарсан сүвд* — рассыпанная нить жемчуга — слёзы красавицы — *шуудрийн сүвд* — жемчуг росы — роса при лунном свете

— *сүвд тан* — жемчуг и перламутр — символ редкой красоты. Жемчуг в древности, в преданиях китайцев, связывался не столько с улитками, сколько с драконами, змеями, черепахами. Считалось, что жемчуг предохраняет от пожаров, видимо, как связаный со стихией вод и её повелителем — драконом [Рифтин, 1979. С. 156]. У Инжинаша жемчуг заменён перламутром: «Силой волн нефритовый стан превратился в перламутр луса (повелитель водной стихии)» [Ulayana ukilaqu tinghim, 1958. С. 4]

25. Звёзды (*одон*) — *нүд гярхай од мэт* — глаза подобны ярким звёздам [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 42, 73].

26. Заяц (*туулай*) — *хас туулай* — нефритовый заяц — луна; — *мөнгөн туулай* — серебряный заяц — луна; — *алтан туулай* — луна.

27. Зелень шелков (*торгон ногоон*) — *торгон ногоон*, *булбарь улаан* — зелень шелков и нежные красные оттенки — намёк на обитательниц богатых домов, которые в одежде предпочитали красный и зелёный цвет

— *цэцгийн улаан бургасны ногоон* — красные краски цветов и зелень ив — весенний пейзаж.

28. Золото (*алт*) — *алтан рашиян* — золотой напиток — живая вода

— *алт сүмэн өвс хоёр* — золото и орхидея — символ редкой красоты

— *алтан тахиа* — золотой петух — солнце [Nigen dabqur asar, 1957. С. 355]

— *алтан мөглөг* — золотая сосулька — цветок корицы.

29. Ива (*бургас, уд*) — походка красавиц

— *удын найлзуур* — веточки ивы — брови красавицы, грациозная походка

— *удын найлзуур, болжморын дуун* — ветви ивы, пение птиц — весенний пейзаж [Nigen dabqur asar, 1957. С. 450]

— *удын харанхуй* — тёмная ивовая роща — место встречи влюблённых

— *бургасны ширхэг* — ивовый пух — поэтическое сравнение снежинок, идёт от китайской поэты IV в. н. э. Се Даоюнь

30. Иволга (*алтан гургалдай*) — символ поэтического вдохновения, праздника в природе

31. Иней (*хяруу*) — седина — *хяруу мөлс* — иней и лёд — символ неразлучных друзей

32. Кисть Чжун Куя — символ поэтического вдохновения, см.: Чжун Куй

33. Камни трёх перерождений (*гурван төрлийн чулуу*) — символ мужской дружбы, связан с буддийской легендой о перерождении [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 325—330]

34. Киноварь (*шүнх*) — философский камень, дающий бессмертие. Участвует в символике красного цвета

— *шунхны уруул* — губы подобны киноvari — губы красавицы

35. Котёл (*тогоон*) — *гал тогоон мэт* — подобно огненному котлу — солнце [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 115, 160]

36. Корица (*гавар*) — *гаврын өнгө, шүүдэр дуслах адил* — словно цветы корицы и капли росы — лунный свет

37. Красный цвет (*улаан*) — *улаан өнгөтний хувь заяа* (судьба красных) [Nigen dabqur asar, 1957. С. 402]

— *улаан нулимс* — красные слёзы — слёзы красавицы

— *цэцгийн улаан бургасны ногоон* — см.: ива, зелень шелков

— *улаан хүрд* — красное молитвенное колесо *хүрд* — солнце [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 81, 169]

— *улаан цэцэг* — красные цветы — красавицы

— *улаан навч* — красные листья — любовное послание

— *улаан уруул* — красные губы — губы красавицы.

38. Кукушка (*хөхөө*) — символ весеннего пробуждения природы — *хөхөө хараацайн дуун* — голоса кукушек и ласточек — символ весеннего пейзажа.

39. Курильница и цитра (*гулс ятга*) — любовь Пуюя и Циньмо [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 231].

40. Картина (*зураг*) — *удаан нөхөрлөхөд зураг адил, шүнх эрхэн булхаад* — долгая дружба словно картина с толстым слоем киноvari.

41. Лёд (*мөс*) — лицо красавицы, лунный свет — *мөсөн шүүдэр* — ледяная роса — роса при лунном свете

— *хас мөглөг* — нефритовая сосулька — лунный свет

— *алтан мөглөг* — золотая сосулька — цветок корицы

— *мөсний зүс* — ледяной лик — лицо красавицы

— *эмхрэл бүр мөс* — каждая слезинка — лёд — слёзы красавицы

— *торгон мөлсөн ширхэгийг дахин залган чавхдасугай* — пусть снова зазвучат блестящие (как лёд) шелковистые струны

— *мөсний тэргэл* — ледяной круг — лунный диск

— *мөлсөн хувинд намрый усыг агуулсан мэт* — словно в тонкую ледяную вазу налили осенней воды — лицо красавицы [Nigen dabqur asar, 1957. С. 211]

42. Ласточка (*алтан хараацай*) — юная красавица. Плач ласточки в ветвях бамбука [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 275]

— *хараацайн уур* — ласточкины гнёзда — лакомство в богатых домах

— *хараацай хөхөөгийн уран хоолой* — нежные голоса ласточек и кукушек — весна.

43. Листья (*навч*)

— *улаан навч* — красные листья — см.: красный

— *хасын навч* — нефритовые листья — символ красивого пейзажа [Nigen dabqur asar, 1957. С. 222]

44. Лицо (*царай*)

— *охин тэнгэрийн гэгээн царай* — светлый лик небесной феи — луна

— *галууны өндөгний зүс* — лицо подобно гусиному яйцу — лицо красавицы [Nigen dabqur asar, 1957. С. 194]

— *нүүр зузаан болох* — будто на лице толстая кожа — о человеке, не знающем, что такое стыд [Nigen dabqur asar, 1957. С. 186]

— *уснаас шинэ гарсан фучжун цэцэг мэт* — словно лотос, только что вышедший из воды — лицо красавицы [Nigen dabqur asar, 1957. С. 191]

45. Луна (*сар*)

— *шинэ сарын мөглөг* — словно молодая луна — брови красавицы

— *сэрүүн салхины эсрэг сараар угтах* — на порыв ветра ответить лунным светом — любовь

— *усанд сар* — луна в воде — символ нереальности, иллюзорности бытия [Nigen dabqur asar, 1957. С. 605—606].

46. Му-лань — образцовая женщина древнего Китая, отправилась на войну вместо престарелого отца. В романах Инжинаша Му-лань не является традиционным символом дочерней преданности, а означает мужественный характер героинь [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 237]

47. Мотылёк (*эвээхэй*) — см.: бабочка

48. Монета (*зоос*) — *зоосын чинээ борооны ус дуслав* — тяжёлые, словно монеты, капли дождя упали на землю [Nigen dabqur asar, 1957. С. 190]

49. Мякоть арбуза (*шэгуа*) — губы красавицы

50. Нефрит (*хас*)

— *хасын цогцос* — грация нефрита — стан красавицы

— *хасын яс* — стан красавицы, подобный нефриту

— *хасын хүн* — нефритовый человек — красавица

— *хас цэцэг* — нефритовый цветок — красавица [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 124]

— *хасын сүүдэр* — нефритовая тень — сумерки

— *хас туулай* — нефритовый заяц — луна

— *хасын эвээхэй* — нефритовый мотылёк — образ Пуя

— *хасын огторгуй* — нефритовое небо — вечернее небо

— *хасын навч* — нефритовые листья — см.: листья

— *бор хас царай* — смуглое нефритовое лицо — лицо красавицы

— *агар хас модон хаврын салхинд нахилах* — кипарис, подобный нефриту, качается на весеннем ветру — стан красавицы [Nigen dabqur asar, 1957. С. 211]

— *зөөлон хас* — нежный нефрит — юная красавица [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 79]

— *арчсан хас* — очищенный нефрит — символ чистоты и белизны [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 141].

51. Облако (*үүл*) — символ лёгкости, воздушности — волосы красавицы

— *бэхсийн үүл* — облако кисти — кисть поэта

— *нэхэх үүл нисэх галуу* — плывущие облака, летящие гуси — символ стремящихся друг к другу влюблённых

— *өнгөт үүлэн сарнихад хялбар шил болорын хэврэг ертөнцийн дээрх сайн юм ер бэхгүй* — цветные облака легко рассыпаются, всё хорошее в этом хрупком, как хрусталь, мире непрочно [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 150]

— *таван өнгийн билэгт үүл* — пятицветные священные облака — символ красивого пейзажа [Nigen dabqur asar, 1957. С. 256]

— *салхи үүлийг угтах* — ветер встретился с облаком — любовное свидание

52. Образ и тень (*дүрс сүүдэр*) — символ неразлучных влюблённых

53. Огонь (*гал*)

— *гал тогоон мэт* — словно огненный котёл — солнце

— *бие гал оргилох мэт* — тело словно огнём объято — больной в жару [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 137]

54. Озеро Сиху — символ красивого пейзажа [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 194]

55. Орхидея и золото (*сүмэн өвс алт*) — символ редкой красоты

56. Осень (*намар*)

— *намрын тэмдэг* — хризантема (удвал)

— *намрын цэцэг* — осенние цветы — образ одиноких красавиц

— *намрын салхи* — осенний ветер — холодный ветер

— *намрын ус* — осенние воды — глаза красавицы

— *мөлсөн хувинд намрын усыг агуулсан мэт* — словно ледяная ваза, наполненная осенней водой, — образ красавицы [Nigen dabqur asar, 1957. С. 211]

— *хаврын хур намрын салхинд чиний хамт нөхөрлөмүй* — и в весенний дождь, и в осенний ветер — всегда вместе с тобой

— *хавар намар өндөр болов* — высокими стали вёсны и осени — преклонный возраст [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 25]

57. Петух (*тахиа*)

— *үдийн тахиа* — полуденный петух — полуденное солнце

— *алтан тахиа* — золотой петух — солнце.

58. Птаха (*болжмор*)

— *уярах болжмор* — нежноголосая птаха — поэтический образ красавицы

— *уран болжмор* — голосистая птаха — символ пробудившейся природы

— *хос божмор* — пара птиц — отождествляется с неразлучными сёстрами — Дэцин и Шицин: «Вместе росли две птахи, которые свили себе гнездо на развесистом дереве» *уянгат модонд үүрлэсэн хос болжмор хамтаар өссөн билээ* [Nigen dabqur asar, 1957. С. 543]

— *эгшигт болжмор* — сладкозвучная птаха: *эгшигт болжмор нэн харин элэг уушгийн хатгамай* — терзаёт душу сладкозвучная птаха — страдание неразлучённых влюблённых [Nigen dabqur asar, 1957. С. 451]

59. Перламутр (*тана*) — символ красоты

— *луусын тан* — перламутр лууса (хозяин подводного царства) — красавица

— *гэгээн тан* — сияющий перламутр — символ красавицы

— *цагаан хас гэгээн тан* — белый нефрит и сверкающий перламутр — часто встречающееся сочетание — символ редкой красоты

— *гэгээн таныг аль хасад хэлэхийг мэдэхгүй* — не знаю, с каким нефритом связать сияющий перламутр [Nigen dabqur asar, 1957. С. 378]

— *нэгэн нь мянган лянгийн үнтэй тан, нэгэн нь барталгүй ариун хас* — дорогой перламутр в тысячу лян, другой — незамутнённый, чистый нефрит — Пуя и Циньмо [Nigen dabqur asar, 1957. С. 605].

60. Радуга (*солонго*) — поэтический образ красивого пейзажа

— *ороонго солонго* (крутая радуга) — после дождя [Nigen dabqur asar, 1957. С. 190].

61. Роса (*шүүдэр*)

— *хүйтэн шүүдрийн алтны цогцос* — золотой стан холодной росы — облик красавицы

— *шүүдрийн сувд* — жемчуг росы — при лунном свете

— *мөсөн шүүдэр* — ледяная роса — при лунном свете. Любопытно, что шлем Гэсэра имеет эпитет «сверкающая роса» [Гэсэриада, 1936. С. 116].

62. Роца (*шугуй*)

— *шугуй мод* — лес кистей [Nigen dabqur asar, 1957. С. 227].

63. Семечко тыквы (*шэгуан ур*) — лицо красавицы.

64. Серебро (*мөнгөн*) — символ красоты и лунного света

— *мөнгөн оёдлын туяа урт* — луч, словно длинная серебряная нить, — лунный свет

— *мөнгөн шүд* — серебряные зубы [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 76]

— *мөнгөн сахал* — серебряная борода — седина

— *мөнгөн утас мэт сахал* — борода, словно серебряные нити

— *галын шугуй мөнгөн цэцэг* — огненная роца серебряных цветов — надпись у входа в беседку [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 71].

65. Слёзы (*нулимс*)

— *нүдний нулимсыг хулсны үзүүрт цувруулав* — слёзы нанизала на ветви бамбука — см.: бамбук

— *улаан нулимс* — красные слёзы — женские слёзы

— *нулимсаар хийсэн хүн мэт ухилах* — плакать так, что будто бы вся была из слёз [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 81]

— *өмхрөл бүр мөлс* — каждая слезинка — лёд

— *нүдний нулимс нь хэлхээ тасартсан сувд мэт* — слёзы из глаз, словно рассыпанная нить жемчуга [Nigen dabqur asar, 1957. С. 405]

— *нүдний нулимс бороон орох адил* — слёзы из глаз полились, словно дождь [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 75].

66. Слуги (*зардас*)

— *шивэгчин зардас мэт* — словно прислужницы — другие деревья рядом с цветущей корицей [Nigen dabqur asar, 1957. С. 225].

67. Слюна дракона (*луугийн шүлс*) — цветы корицы [Nigen dabqur asar, 1957. С. 222].

68. Снег (*цас*) — символ белизны, красоты

— *хас цэцэг цаснаас гурван хувийн цагаан дутуу хайлах цасан нэгэн ангийн үнэр дороо хэмэжээ* — нефритовый цветок в три раза уступает в белизне снегу, тающий снег намного уступает в аромате цветку [Nigen dabqur asar, 1957. С. 333]

— *цас нарс мэт үзэсгэлэн* — прекрасен, словно сосны в снегу, — «Сосны снова со снегом союз заключили» — образ, заимствованный из стихотворения Тао Юаньмина «Возвращаюсь к себе»

67. Сосна (*нарс*) — символ преданности, стойкости, долголетия

— *өндөр нарс хөх хулстай харилцан нөхөрлөмөй* — высокая сосна дружит с изумрудным бамбуком [Nigen dabqur asar, 1957. С. 255]

— сосна, бамбук и слива вместе с холодной зимой означают стойкость, верность, дружбу

70. Собака и конь (*нохой морь*)

— *нохой морины хуч гүйцэтгэх* — проявить преданность собаки и коня [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 334] — речь идёт об известной китайской легенде о собаке, потушившей огонь, и лошади, натянувшей поводья, чтобы спасти хозяина. В данном случае означает преданность слуги своему хозяину.

71. Солнце (*нар*)

— *гэгээн наран адил* — словно яркое солнце — душа хорошего человека

— *энэ наранд адил болтугай* — пусть будет подобен этому солнцу — о дорогом подарке [Nigen dabqur asar, 1957. С. 291].

72. Сон (*зүүд*)

— *хаврын зүүд* — весенний сон — мимолётный сон

— *үдийн зүүд* — полуденный сон — признак не реальности происходящего [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 418].

73. Тёмные горы вдали — брови красавицы. Сопоставление бровей красавиц с очертаниями далёких гор имеет многовековую историю. Впервые оно появилось в повести «Частное жизнеописание Чжао — Летящей ласточки», приписываемое Лин Сюаню, жившему на рубеже нашей эры. В «Разных записках о западной столице» (V—VI вв.) говорится о начале этой моды: «Брови у Вэнь-цзюнь, жены поэта Сыма Сянжу, напоминали очертания далёких гор» [Рифтин, 1979. С. 301].

74. Тучи (*үүл*) — волосы красавицы — см.: облака

75. Ткачиха (*үс тархай охин*) — Небесная Ткачиха — дух звезды альфы и созвездия Лиры. Существует легенда о том, что Ткачиха, дочь Небесного Владыки, жила на звезде, находящейся к Востоку от Небесной реки (Млечного пути), где она ткала облако — одеяние Неба. Выйдя замуж за пастуха (духа звезд бэта и гамма созвездия Аквила, расположенных к Западу от Млечного пути), она стала нерадиво относиться к своему делу, за что Небесный Владыка разлучил её с мужем и разрешил встречаться с ним лишь один раз в году — в седьмую ночь седьмой луны на Небесной реке.

76. Тао Юаньмин (365—427) — выдающийся китайский поэт. Символ поэтического дарования

77. Тень (*сүүдэр*) — см.: образ и тень

78. Тысячи стрел (*мянган сум*) — тысячи стрел пронзили сердце — выражение означает душевную муку

79. Хурд — молитвенное колесо в ламаистском храме

— *улаан хурд* — красный хурд — солнце [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 251]

80. Хур — национальный музыкальный инструмент

— *хур ятга хоёр* — хур и цитра — дружная семья [Ulagana ukilaqu tingkim, 1958. С. 390]

81. Хрусталь (*болор*) — символ красоты

— *тунгалаг болорын нүд* — глаза словно из прозрачного хрустала — глаза красавицы

— *огторгуйд урсах болор* — поток хрустала в небе — лунный свет.

82. Цитра (*ята*) — национальный музыкальный инструмент. Цитра и хур — символ дружной семьи, супружеской пары

— Цинь (кит. цитра) — первая часть имени одной из главных героинь романа — Циньмо. Рядом с именем Циньмо, высеченном на яшмовой скале, было изображение цитры без струн.

83. Цветы (*цэцэг*) — символ красавиц, женских образов [Ulayana ukilaqu tinghim, 1958. С. 42]

— *улаан цэцэг* — красные цветы — символ весны

— *уран эрвээхэй зөөлөн цэцэг* — искусный мотылёк и нежный цветок — любовь Пуюя и Лумэй

— *хасын цэцэг* — нефритовый цветок — поэтический образ, символ красоты

— *толинд цэцэг* — цветы в зеркале — иллюзорность, нереальность происходящего [Nigen dabqur asar, 1957. С. 605—606]

— *усанд бутарсан цэцэг* — цветы, рассыпанные в воде, — символ лета [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 42]

— *цэцгийн улаан бургасны ногоон* — красные цветы, зелень ив — весенний пейзаж

— *цэцгийн хур ортол* — пока не пойдёт дождь из цветов — хвалить [Nigen dabqur asar, 1957. С. 230]. Выражение «дождь из цветов» встречается и в стихах монгольского поэта Д. Нацагдоржа [Нацагдорж, 2006. С. 134]

84. Цюйфан — прекрасные цветы — детское имя Шэнжу: Шэн Цюйфан. Одну из героинь романа Ли Жучжэня зовут Ай Цюйфан — любящая цветами

85. Цзысяо — детское имя Циньмо, означает «фиолетовый шёлк»

86. Чжао Фэйянь — Чжао — Летящая ласточка — знаменитая красавица I в. до н. э., наложница императора Чэн-ди (32—6 гг. до н. э.). Ласточкой прозвана за лёгкость, с какой она танцевала

— символ красавицы [Nigen dabqur asar, 1957. С. 57; Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 36]

87. Чжун Куй — учёный, живший при династии Тан. Успешно выдержал государственный экзамен, но из-за безобразной внешности не был удостоен учёной степени. В порыве отчаяния покончил жизнь самоубийством. Считался потребителем злых духов,

поэтому изображение его вывешивалось на воротах домов

— кисть Чжун Куя — признак поэтического вдохновения, символ изящной каллиграфии [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 322]

88. Шапка (*малгай*) — принадлежность мужчин

— *малгай бүстэй эр* — мужчина в шапке и с поясом, порядочный состоятельный мужчина [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 26]

— *жинстэй малгай* — шапка с шариком жинс на верхушке. Такие шапки носили чиновники в маньчжурскую эпоху

— *бичгийн малгай* — шапка писаря — надеть такую шапку означает «стать странствующим поэтом»

— *Гарудийн малгай, луутай хувцас* — шапка Гаруди, одежда с драконом — наряд невесты [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 369]

— *чийрсэн малгай өмсгөх* — надеть на кого-то соломенную шляпу — источать незаслуженную похвалу [Nigen dabqur asar, 1957. С. 267]. В современном языке есть выражение *цаасан малгай өмсгөх* — надевать бумажную шапку, т. е. хвалить

89. Шёлк (*торго*)

— *шар торго* — жёлтый шёлк — полоска лунного света ночью

90. Шунь — мифический император, правивший, согласно традиционной хронологии, с 2255 по 2205 гг. до н. э.

91. Яо — мифический император, правивший с 2357 по 2255 гг. до н. э.

— Яо и Шунь — символы мудрого правления [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 297, 330]

92. Ян Гуйфэнь — знаменитая красавица, фаворитка танского императора Сюаньцзуна, давшего ей посмертный титул Тай Чжэнь, — символ красавицы.

93. Яшма — камень, особо ценимый китайцами за красоту. Поэтический символ всего прекрасного

94. Яшмовая стела — в романе Инжинаша является отправной точкой развития сюжета, содержит в себе роковое предначертание судеб героев

95. Чжо Вэньцзюнь — красавица, жена ханьского поэта Сыма Сянжу. Вэньцзюнь была вдовой, а вдовам в старом Китае не разрешалось выходить замуж, и поэт бежал с красавицей вдовой [Ulayana ukilaqu tingkim, 1958. С. 64]. — символ красоты.

Использованная литература

Köke sudur, 1957: Injannasi V. Köke sudur. Köke qoto. 1957.
Nigen dabqur asar, 1957: Injannasi V. Nigen dabqur asar.
Köke qoto. 1957.
Ulayana ukilaqu tinghim, 1958: Injannasi V. Ulayana ukilaqu tinghim. Köke qoto. 1958.
Гэсэриада, 1936: Гэсэриада. М.; Л., 1936 (Geseriada. М.; Л., 1936).
Грайворонский, 1980: Грайворонский В. В. От кочевого образа жизни к оседлости. М., 1980 (Graiavoronskiy V. V. Ot kochevogo obraza zhizni k osyodlosti. М., 1980).

Кара, 1972: Кара Д. Книги монгольских кочевников. 1972 (Kara D. Knigi mongol'skih kochevnikov. М., 1972).
Ли Жучжэнь, 1959: Ли Жучжэнь. Цветы в зеркале. М., 1959 (Li Zhuchzhen'. Tsvety v zerkale. М., 1959).
Лубсан Данзан, 1973: Лубсан Данзан. Алтан тобчи. М., 1973 (Lubsan Danzan. Altan tobchi. М., 1973).
Меньшиков, 1982: Меньшиков Л. Н. Об обычае свадьбы с цветной вышкой // Страны и народы Востока. Вып. 23. М., 1982 (Men'shikov L. N. Ob obychnye svad'by s tsvetnoy vyshivkoy // Strany i narody Vostoka. Вып. 23. М., 1982).

Монгол ардын зүйр үг, 1959: Монгол ардын зүйр үг. Улаанбаатар, 1959 (Mongol ardyn zuir ug. Ulaanbaatar, 1959).

Нацагдорж, 2006: *Нацагдорж Д. Бүрэн зохиол. Боть 1. Улаанбаатар, 2006 (Natsagdorz D. Bueren zokhiol. Bot' 1. Ulaanbaatar, 2006).*

Рифтин, 1979: *Рифтин Б. Л. От мифа к роману. М., 1979 (Rifitin B. L. Ot mifa k romanu. M., 1979).*

Цы хай, 1949: *Цы хай (Море слов). Шанхай, 1947 (Tsy hai (More slov). Shanghai, 1947).*

L. G. Skorodumova The imagery of V. Inzhinash's novels

V. Inzhinash was the father of three kinds of novels: historical, domestic (common) and adventure (the novel with elements of satire and fantasy). He was not only the founder of new prosaic literature, but also the successor of poetic tradition. His heritage is very rich. The brightness of images and the abundance of metaphors in the prose of V. Inzhinash are connected with the well-developed poetic tradition of Mongolian literature. Chinese classical literature also influenced the poetics of V. Inzhinash. The brilliant use of a wide spectrum of traditional artistic techniques and epic methods of narration allows us to consider V. Inzhinash's creation an essential part of the whole literary process in Mongolia.

Key words: artistic methods, national tradition, brightness of characters, founder of new prosaic literature.